

Евгений ШИМИН

СОПЕРНИКИ

Любовно-производственный роман

16+

Евгений Шимин

**Соперники. Любовно-
производственный роман**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шимин Е. Н.

Соперники. Любовно-производственный роман / Е. Н. Шимин —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Ищите женщину! Так и в этом случае. Конфликт производственный, но разгорелся он из-за Нее. Женщина стала причиной противостояния бывших друзей детства. В основу сюжета романа «Соперники» положена реальная история рейдерской атаки на одно из тверских промышленных предприятий в середине 2000-х годов, завершившейся провалом. Автор освещал противодействие рейдерам в цикле газетных публикаций. Любовная линия сюжета - целиком авторский вымысел.

Содержание

Об авторе	5
Глава 1. Назойливая иномарка	6
Глава 2. Налёт	8
Глава 3. Они жили по соседству	11
Глава 4. Краткосрочный отпуск	13
Глава 5. Виталий делает карьеру	17
Глава 6. Вьетнамский пленник	20
Глава 7. Анютин выбор	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Об авторе

Шимин Евгений Николаевич родился в 1947 году. В 1974 году окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Журналист, редактор, литератор. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Стаж работы в газетной журналистике – 50 лет. Автор шести краеведческих книг, автобиографической книги «Записки газетчика» (лауреат Всероссийского конкурса на лучшее журналистское произведение 2018 года). Рассказы публиковались в периодических печатных изданиях. «Соперники» – первое крупное произведение автора в жанре художественной прозы.

Глава 1. Назойливая иномарка

Февральский рассвет, и без того поздний, в то утро, похоже, и вовсе задержался. Темно-серые облака заполнили небо, плотно преградив путь солнечным лучам. Мелкая поземка не утихала вторые сутки, припорошив всё вокруг. На пушистых лапах голубых елей, скрывших фасад заводоуправления, нависли толстенные белые покрывала. Дорожку к проходной то и дело заметало.

Вахтер Петрович, высокий сухопарый мужчина пенсионного возраста (в выправке угадывался былой служака), вышел из проходной и (в который уже раз за сегодняшнее утро) взялся за лопату, принявшись сгребать снег. Темень постепенно всё же отступила, открыв взору прилегающую территорию. Охранник (так официально именовалась его должность в штатном расписании) по привычке обозрел вверенное ему пространство. Картина выглядела привычно. На заводской парковке выстроились в три ряда автомобили. Утренняя смена началась два часа назад, поэтому вокруг было безлюдно. Ничего необычного для утренней поры. Хотя... Что-то бдительного вахтера все же насторожило.

На противоположной стороне улицы, съехав на обочину, притулилась иномарка цвета мокрый асфальт. Судя по тому, что крыша и капот покрылись изрядным слоем снега, появилась она здесь довольно давно. Петрович припомнил: и вчера она на том же месте стояла. Весь день. С чего бы это? Надо проверить! Воткнув лопату в образовавшийся сугроб, вахтер перешел улицу и направился к иномарке. За тонированными стеклами никого не разглядел. Тогда он настойчиво постучал в дверь. Боковое стекло опустилось, появилось недовольное лицо молодого человека. На пассажирском месте сидел еще один, постарше.

– Тебе чего, дядя?

– На завод приехали?

– Просто стоим, отдыхаем. Иди своей дорогой.

Петрович отошел. Не успел перейти улицу, как иномарка отъехала. Вахтер успокоился. На очередное дежурство он вышел через двое суток. Опытный взгляд вновь заметил ту же иномарку, стоявшую на этот раз в отдалении. Вахтер продолжал наблюдать за ней.

Закончилась первая смена, народ повалил через проходную. Владельцы личных авто направились к заводской парковке, остальные шли к автобусной остановке. Из иномарки вылез тот, что постарше, и, охранник это разглядел, остановив группу рабочих, стал что-то объяснять, сопровождая разговор энергичной жестикуляцией. Кто-то от него отмахнулся, а большинство не отходило. Слушали. Петрович поспешил к ним. Заметив бдительного старика, пассажир иномарки сел в машину, и она быстро уехала.

– О чем он с вами говорил?

– Да ерунда, Петрович! – токарь Витя Пименов, сосед по дому, даже сплюнул. – Акции уговаривал продать. По две тысячи за штуку сулил.

– Ну, а ты?

– А я его послал.

– Другие тоже послали?

– Кто как. Многие прислушивались, внимали, так сказать.

– Жулики это, Витя! Так всем и говори.

– Да я то что! Ты начальству доложи.

– Вот и пойду!

Оставив на время пост, Петрович поспешил к своему шефу – начальнику службы безопасности Борисову. Выслушав, Павел Иванович хмуро спросил:

– Давно они здесь?

– Выходит, сегодня пятый день.

- Чего раньше не доложил?
- Раньше с нашими заводскими у них контактов не было.
- Ладно, иди.

Подумав, Борисов вызвал двух сотрудников своей службы, Казакова и Сергеева, бывших милицейских оперативников. Приказал выяснить, что за люди, где остановились, кто за ними стоит. Докладывать по мере получения полезной информации. Первый доклад был готов уже тем же вечером. Двое прибыли из Москвы. Остановились в гостинице «Полёт» – лучшей в городе Славске. Весь день провели в номере. Вечером спустились в ресторан на ужин. Там и удалось срисовать их личности. Сотрудники выложили на стол шефа фотографии. Борисов всмотрелся.

- Не может быть! – воскликнул он, взяв в руки фото того, что постарше.
- Что? Знакомая личность? – спросил Андрей Казаков.
- В том то и дело, что знакомая! И опасная!

Вспомнив ЧП семилетней давности, Борисов решил: надо срочно идти на доклад к генеральному директору завода.

Глава 2. Налёт

Тогда тоже была зима. Вечернее время. Заводоуправление опустело. В цехах работала вторая смена. На центральной проходной дежурили два вооруженных охранника. В ту лихую пору вооружиться сама жизнь заставила. Оформили все по закону, с необходимыми разрешениями. Территорию огородили высоким забором, установили сигнализацию по всему периметру. На режимных участках появились тревожные кнопки. При их нажатии включалась сирена. Меры безопасности и помогли в тот февральский вечер.

Слабое место все же нашлось. На территорию можно было проникнуть и через здание заводоуправления, где у турникета дежурил охранник без оружия. Этим и воспользовались нападавшие. Их было четверо, трое – с автоматами наизготовку, четвертый, видимо, главарь, размахивал пистолетом. Он и отшвырнул преградившего путь охранника, оглушив его рукояткой пистолета. Налетчики устремились на заводскую территорию.

Производственный корпус их не заинтересовал. Главарь повел автоматчиков к газовой котельной, недавно построенной. Дежуривший там оператор впал в шок, увидев вооруженных людей. Оставив двоих с автоматами в котельной, вожак приказал третьему следовать за ним к отдельно стоящему одноэтажному зданию – гальваническому участку. Он, видимо, и был целью налёта. Грубо оттолкнув ошеломленного вахтера на входе, двое налетчиков стремительно ринулись внутрь. Немногочисленная вечерняя смена оцепенела. Налетчики поспешили в конец участка, где располагался склад. Путь им преградила мощная стальная дверь, оснащенная сейфовым замком.

– Кто здесь старший? – громко спросил главарь.

– Я – мастер смены, – отозвался немолодой мужчина.

– У кого ключи от склада?

– Они в службе безопасности. Доступ на склад – только в их присутствии.

– Понятно, – процедил налетчик и, достав мобильный телефон, сразу набрал нужный номер.

Начальник службы безопасности Павел Борисов тем временем следовал после работы домой. Засигналил сотовый телефон. Оглушенный в заводоуправлении охранник пришел в себя и огорошил шефа тревожной вестью. Борисов развернул машину и на полной скорости помчался обратно.

Вновь затренькал мобильник. Звонок был с незнакомого номера.

– Слушай меня и не дергайся. Я взял твоих людей в заложники. Мне нужны ключи от склада в гальванике. И дай команду пропустить на территорию наш бронированный автомобиль. Не послушаешься – взорву котельную. Мы должны убраться отсюда с грузом без всяких препятствий – иначе по пути всех перестреляем. И не вздумай сигналить ментам – хуже будет. У тебя полчаса на выполнение моих условий. Время пошло. Предупреждаю: без фокусов! – на этих словах звонивший отключился. Павел Иванович узнал его по голосу, хотя много лет прошло с их последней встречи.

Борисов сразу понял, зачем пожаловали налетчики. Завод «Молмаш» получил выгодный зарубежный заказ из братской республики: изготовить три технологические линии. Заказчик с целью ускорения снабдил завод всем необходимым цветным металлом для гальванических покрытий. Чтобы найти такой металл в своей стране, да еще и у разных поставщиков – потребуется немало времени. А заказчик торопит, поэтому и пошел навстречу. Общая стоимость цветмета – почти миллион долларов. Этим металлом и решили поживиться налетчики.

Но откуда они узнали про металл? Впрочем, и на этот вопрос ответ напрашивался сам собой. Зарубежного заказа добивались два предприятия – завод «Молмаш» из славного города Славска и его давний конкурент из города Бельска – завод под названием «Смычка». Конку-

рент, естественно, был в курсе всех условий выгодного заказа, в том числе знал и о поставке цветного металла. В необъявленном конкурсном соперничестве победил «Молмаш» (кроме знакомства с заводом, заказчик проверил, как работает изготовленное здесь оборудование на российских предприятиях молочной промышленности – и по совокупности увиденного свой выбор сделал).

Проигрывать тоже надо достойно – конкурент, похоже, этим правилом пренебрег, задумав взять своеобразный реванш. Завладев цветным металлом, «Смычка» получала шанс перехватить уплывший от «Молмаша» заказ. За этим и снарядили в Славск вооруженную шайку. Было понятно, откуда у налетчиков подробное представление, где что находится на заводской территории, а также конфиденциальные номера мобильных телефонов.

Прибыв на завод и выслушав доклады подчиненных, Борисов принял решение пока не докладывать руководству о ЧП, попробовать справиться с ситуацией своими силами. Начальник службы безопасности поразился предусмотрительности генерального директора Панкратова. Буквально два дня назад Андрей Петрович приказал под покровом ночи вывезти цветмет со склада гальванического участка в бомбоубежище, устроенное в подвальном этаже заводоуправления еще при советской власти. Борисов представил, что было бы, если бы цветмет не перепрятали. Срыв заказа, огромные штрафные санкции и неминуемое банкротство завода. Генеральный директор перестраховался не зря. Предвидел налет? Получил информацию о готовящемся нападении? Так или иначе, но отсутствие цветмета на складе гальваники облегчало Борисову решение задачи. Надо освобождать заложников и выдворять шайку за заводские ворота – в руки сотрудников милиции.

Номер, с которого звонил главарь, не высветился, поэтому Борисов по внутреннему телефону соединился с гальваникой. Как и ожидалось, ответил руководитель налетчиков.

– Теперь слушай меня! – Борисов цедил слова телеграфным стилем. – Металла там, где вы его ищите, нет. Он – в другом месте. Ты проиграл!

– А ты блефуешь! У меня точная информация, что его сгрузили сюда. Не тяни время – неси ключи!

– Ключи будут – при одном условии: ты выпускаешь всех наших людей из гальваники.

– Пока что условия ставлю я: давай ключи!

Перед тем, как начать этот разговор, Борисов отправил к котельной двух вооруженных охранников – бывших десантников. Один из них отвлек внимание налетчиков, мелькнув перед окном. Второй ворвался в котельную и приемами без оружия обезвредил обоих автоматчиков. В наручниках их повели в заводоуправление – в кабинет Борисова. Увидев эту картину, начальник службы безопасности сменил тон разговора.

– Ошибаешься. Условия все-таки диктую я. Твои орлы из котельной обезврежены. Они в моем кабинете. Отпускай людей из гальваники.

– На тех двоих мне плевать – они шестерки. На крайний случай при мне граната. Так что хозяин положения я. Неси ключи!

Подумав секунду, Борисов произнес:

– Будь по-твоему. С ключами приду сам.

До гальванического участка было десять минут пешего хода. Когда Борисов появился у дверей, ему открыл сам главарь. Павел Иванович оказался под двойным прицелом – пистолета и автомата. Он спокойно прошел в конец участка – к складской двери. Поколдовав, открыл сейфовый замок и распахнул дверь. Налетчики оторопели – склад был пуст.

Воспользовавшись их минутным замешательством, в помещение ворвались охранники, налетчиков скрутили. Спустя полчаса вся четверка была сдана прибывшему отряду милиции. Борисов присутствовал при допросе главаря шайки – давнего своего знакомого. Его звали Петр Лошаго. Заказчиков главный налетчик не выдал, утверждая, что он – заказчик и исполнитель в одном лице. Получил срок в колонии.

И вот этот Лошаго объявился вновь. С какой целью – понятно: завладение акциями завода. Оставалось выяснить, по чьему заказу он действует теперь. Кто же знал, что толчок к появлению этого заказа был сделан много-много лет назад...

Глава 3. Они жили по соседству

Река Тихая в этом месте делала крутой изгиб. Течение, и без того неспешное (река в этом смысле отвечала своему названию), на повороте еще более замедлялось. По-местному изгиб именовался кривулём, был самым глубоким в течении. Здешние мужики, ныряя с камнем, едва доставали дна – глубина достигала шести метров.

Правый берег Тихой на изгибе был крут. На взгорке расположилось село Кострово, известное по писцовым книгам еще с шестнадцатого века. Украшением села была белокаменная Успенская церковь. Пятиглавый храм покоился на мощном гранитном фундаменте. Местные жители всегда поражались, каким образом эти громадные каменные плиты в середине прошлого столетия, когда никто не помышлял ни о железной дороге, ни об автомобильной тяге, были доставлены сюда из далекой Карелии.

Церковь славилась не только богатым обликом, а еще и тем, что не закрывалась даже в самые яростные годы безбожия. Она просматривалась издалека, поскольку построили ее на самом высоком месте правобережья реки Тихой. Когда еще от Славска до Кострова не пустили автобус, Андрей Панкратов, возвращаясь из техникума, преодолевал пять километров грунтовой дороги пешком, любуясь выплывающей белокаменной красотой церкви.

Село не отличалось строгостью планировки. Дома стояли в два посада вдоль берега, а к главной улице примыкали под косым углом еще два ряда домов. Была в центре села даже небольшая площадь, на которой разместились бревенчатые здания сельсовета, правления колхоза, клуба, медпункта, столовой и магазина. На въезде в Кострово в двух зданиях дореволюционной постройки сеяла разумное, доброе, вечное средняя школа, в которой Андрей окончил семь классов.

Род Панкратовых населял Кострово, наверное, с зарождения села. Мужики были мастеровые, славились на всю округу как первоклассные стекольщики. Стекольщиком был и отец Андрея, Петр Николаевич. Его услугами пользовались не только в Кострове, но и в окрестных деревнях. Только вот должности стекольщика в селе не было, поэтому старший Панкратов, не имевший педагогического диплома, числился в школе учителем труда. Мать, Пелагея Ивановна, трудилась дояркой на колхозной ферме. Жила семья небогато. Отец после войны остался калекой, сильно хромал на правую ногу, по второй группе инвалидности получал небольшую пенсию. Зарплата учителя труда была невелика. Колхоз, именовавшийся «Съезд Советов», числился в отстающих, на трудодни Пелагее Ивановне, передовой доярке, выходили крохи. А детей – трое, кроме старшего Андрея еще дочь Валя и сын Вася. Дом, который занимала семья Панкратовых, был крепкий, из вековых бревен, потемневших от возраста. Строил его еще прадед Андрея.

Напротив Панкратовых жила семья Волосовых. Дом их выглядел богато, не дранкой покрыт, а новым железом, бревна обшиты тесом, окрашенным в веселый светло-зеленый цвет. Возле дома – дощатый гараж, а в нем новенький «Москвич» – единственный личный автомобиль в селе. Старший Волосов, Василий Алексеевич, работал председателем колхоза, его жена Клавдия Семеновна была секретарем сельсовета. Словом, местная знать. Волосовы воспитывали единственного сына Виталия – ровесника Андрея.

С Панкратовыми соседствовала вдова Екатерина Павловна Милорадова, заведующая сельской библиотекой. Муж ее вскоре после войны умер от фронтовых ран. На скромную библиотечную зарплату вдова одна растила дочь Анюту, которая была годом моложе Андрея и Виталия. Несмотря на разный достаток и социальный статус семей, эта тройка крепко дружила. В школу – вместе, из школы – тоже, купаться на речку – втроем. Оба Анютиных кавалера входили в отроческий возраст, бриться пришла пора. И влюбляться – тоже. Естественно, первая

влюбленность у обоих была в закадычную подружку – Анюту. История, старая как мир. Друзья детства становились соперниками. И чем дальше, тем сложнее было это скрывать.

Окончив семь классов Костровской школы с отличными и хорошими отметками, Андрей Панкратов собрался поступать в машиностроительный техникум в Славске. Надо было быстрее получать профессию, чтобы зарабатывать на себя и родителям помогать. В техникум поступил без труда. В Кострове бывал лишь наездами. И с Анютой стал видеться нечасто.

Зато Виталий мог ликовать. Единственному сыну в семье не было нужды после семилетки отрываться от школы. Родители определили перед ним другую цель: после окончания десяти классов – поступление в институт. Правда, способности у Виталия были скромные, в этом он заметно уступал Андрею, да и учебой манкировал, списывая домашние задания у друга и пользуясь благосклонностью учителей как сын самых влиятельных в селе родителей. Впрочем, планами на будущее Виталий пока не заморачивался. Его радовало, что Анюта – рядом, а Андрей, бывший дружок, а теперь соперник – далеко.

Но радовался Виталий всего год. И Анюта засобирилась поступать в педагогическое училище в том же Славске – на учителя младших классов. Поступив, стала встречаться с Андреем – в одном же городе учились. А Виталий, взрослея, терзался подоспевшими муками ревности.

Андрей и Анюта в один год получили дипломы. Лето вся троица вновь проводила вместе. Парни возмужали, хотя внешне были очень разными. Высокий темноволосый красавец Виталий, весельчак и балагур, явно выигрывал у коренастого широкоплечего шатена Андрея и в росте, и в привлекательности. Зато Андрей превосходил соперника эрудицией и серьезным отношением к жизни. Кого выберет удивительно похорошевшая Анюта? Прямо такой вопрос не ставился, но сама ситуация заставляла девушку задумываться. Сердечко ее тянулось к Андрею, но как сказать об этом Виталию? Выручило ее скорое расставание. Анюта стала учительствовать в родной школе, Виталий поступил в сельскохозяйственный институт в областном центре и уехал, а Андрея призвали в армию. На проводах Анюта, наконец, решилась: сказала любимому, что будет ждать его возвращения.

Глава 4. Краткосрочный отпуск

Андрей Панкратов, привыкший во всем добиваться совершенства, и к армейской службе отнесся серьезно. Большинство его однополчан считали три года службы потерянным временем, вычеркнутым из жизни, поэтому просто тянули армейскую лямку. Были и служаки, стремившиеся стать командирскими любимчиками, чтобы заполучить больше лычек на погоны, добиться теплого местечка. Андрей перед командирами не лебезил, соблюдал субординацию, но постепенно достиг и сержантского звания, и должности командира расчета, лучшего в полку.

Ему повезло: попал служить в ракетные войска – элитные в то время. Зенитно-ракетный полк особого назначения входил в состав Московского округа противовоздушной обороны. Войскам округа поручалась охрана столичного неба от нападения вероятного противника, под которым, естественно, подразумевались США. Базировавшиеся на Скандинавском полуострове американские бомбардировщики В-52 за 14 минут могли долететь до Москвы. Поэтому полк, поднятый по тревоге, за десять минут должен быть готов к отражению авиационного налета. Расчеты и на станции наведения ракет, и в батареях несли боевое дежурство круглосуточно.

Зенитно-ракетный полк особого назначения, в котором служил Панкратов, был оснащен системой С-25. Станция наведения располагалась в подземном бункере, а ракеты системы «земля-воздух» – на стационарных стартовых площадках, разбросанных по хвойному лесу. То и дело в полку проводились учения, весь личный состав поднимали по тревоге, в ходе которой отрабатывались нормативы времени приведения полка в полную боевую готовность, механизмы взаимодействия станции и батарей.

Панкратова, как имевшего диплом техника, определили служить на станцию наведения. Подразделение «С» должно поймать цель и навести на нее ракету. В подземном бункере была совершенная по тем временам техника, ни с чем подобным на гражданке (в техникуме и на заводской практике) Андрею сталкиваться не доводилось. И новобранец упорно взялся за ее освоение.

В сержантскую школу Андрей не попал, начинал служить рядовым номером расчета, но вскоре потеснил командира (знания и квалификацию, как говорится, не спрячешь – в армейских условиях, может быть, особенно). На погонах появилась первая лычка, потом вторая, третья, наконец, одна широкая. На втором году службы Андрей Панкратов – уже старший сержант.

Армейские будни состояли не из одних лишь учений и боевых дежурств. Давалось солдату и личное время, которое Андрей посвящал письмам домой (родителям и Анюте) и чтению книг из небогатой полковой библиотеки. Военный городок стоял в лесу, до ближайшего подмосковного города – тридцать километров, поэтому в увольнение солдаты ходили пешком до ближайшего села Камнево. Из развлечений в селе были кино и танцы после вечернего сеанса. А еще – местные девицы весьма легкого поведения. Двое сослуживцев Андрея все увольнительное время проводили в деревенском доме, обслуживая мать и ее дочь. Вернувшись, в красках описывали свои любовные похождения.

А еще в Камневе гнали очень злой самогон, в который, по рассказам, подмешивали настой табака-самосада. За это кошмарное зелье солдаты расплачивались обмундированием со своего плеча. Нередко, упившись вдрабадан, воины не могли стоять на ногах, за ними приходилось отправлять полковую лошадь по кличке Мустанг. Это была старая кляча, которую держали в полку лишь благодаря прихоти заместителя командира по тылу подполковника Зуева. Поговаривали, что он начинал службу в кавалерийском полку и с тех пор хранил любовь к лошадям. Занять Мустанга было нечем, разве что увозить из Камнево перепившихся солдат.

Андрей в увольнение не ходил, но в селе один раз побывать пришлось. Ему, начальнику караула, Зуев приказал запрячь Мустанга и доставить из Камнева двух перепившихся солдат первого года службы. Сыны Востока не привыкли к убойной силе здешнего самогона и отрубались. Пришлось Андрею укладывать их поперек телеги и доставить в санчасть. Откачав, двух бедолаг (за грубое нарушение воинской дисциплины) отправили на полковую гауптвахту.

А Андрея вызвал к себе заместитель командира полка по политической части майор Лунин. Предложил выступить на полковом собрании в клубе с осуждением поведения солдат в увольнении.

– Это поведение несовместимо с высоким званием военнослужащего Советской Армии, – с пафосом заявил замполит. Он вообще любил пафосные речи. Без конца разглагольствовал о высоком моральном облике офицерского состава, требовал от солдат брать пример со своих начальников.

Андрей от выступления на полковом собрании уклонился:

– Что я скажу? В селе Камнево для увольняемых нет никаких развлечений: ни кино, ни музеев, ни театра. Условия такие...

– Ошибся я в вас, Панкратов. Не принципиальный вы человек. Хотел рекомендовать вас в партию – теперь воздержусь.

– Не созрел я еще для партии, – согласился Андрей.

А майор Лунин вскоре сам погорел и, что самое смешное, из-за морального облика. Возвращался от любовницы в крепком подпитии, его остановил патруль. Майор вступил в пререкания. Его задержали. Делу дали ход. Лунина перевели в другую часть с понижением в должности.

Перед отъездом он решил попрощаться с личным составом полка на утреннем разводе.

– До свидания, товарищи!

В ответ – молчание. Майор повторил – опять молчание. Видимо, Лунин изрядно всем надоел. Не выдержав явной обструкции, бывший замполит скрылся в штабе. Неловкую ситуацию разрядил командир части полковник Сулимов:

– Командирам подразделений приказываю обучить личный состав этому строевому приему – прощанию с отбывающим офицером.

А увольнительные вскоре отменили. И не жертвы потребления самогона стали тому причиной. Полку предстоял выезд на полигон. Отобранные расчеты командир подразделений гоняли на тренировки днем и ночью.

В конце августа поступила команда к отправке. В кузовах «УРАЛов» разместили и личный состав, и увозимое имущество. Колонна под покровом ночи двинулась в Москву. На рассвете прибыли на Павелецкий вокзал, где уже поджидал состав из зеленого штабного и грузовых вагонов. После погрузки состав взял курс на юг.

У Андрея Панкратова в этой поездке была особая миссия. Еще в конце зимы в полк стала прибывать новая техника – зенитно-ракетные комплексы С-75. Это были подвижные комплексы, отличавшиеся маневренностью благодаря способности быстро менять стартовую позицию. Ракеты стартовали с тех же «УРАЛов». Двухтонная машина достигала дальности в 30 километров и могла поражать летящие цели на большой высоте. Костяк новой батареи сформировали из сержантов-старослужащих. Обучать их приехал сержант Колесник, недавно вернувшийся из Вьетнама, где С-75 хорошо показали себя в отражении ударов американской авиации. В число избранных попал и Панкратов. К весне обучение закончилось, и уже обучавшиеся стали готовить расчеты из числа прибывших призывников. Все лето прошло в бесконечных тренировках. По их результатам на полигон отобрали расчет Панкратова.

Стрельбы по движущимся воздушным целям проходили на полигоне Капустин Яр. Несмотря на наступившую осень, стоял невыносимый зной, нестерпимо жарко было даже в подземном бункере... Полк отстрелялся на хорошую оценку, поразив ракетами все цели. А

расчет Андрея провел стрельбы на «отлично». Панкратов по прибытии в полк стал носить значок классного специалиста с цифрой «1». И впервые за службу получил краткосрочный отпуск с выездом на родину.

Путь был недалгий. Автобусом до подмосковного города, потом – на электричке до столицы, оттуда – на электричке же – до областного центра, вновь – на автобус, не доезжая десяти километров до Славска – пять километров пешком до Кострова. Утром отбыл из части, а поздним вечером уже подходил к родному дому.

О своем приезде Андрей не предупредил, нагрянул неожиданно. Перед изумленными родителями предстал бравый воин в зеленом мундире со стоячим воротником, в галифе и яловых сапогах (их лишь недавно ввели для парадной формы). И другие атрибуты парадной формы налицо: на черных петлицах золотится эмблема – скрещенные жерла пушек, на черных же погонах – широкая золотистая лычка старшего сержанта, на груди – знаки классного специалиста и отличника боевой и политической подготовки. Материнские слезы, восторженные глаза отца... Расспросы, расспросы...

От ужина Андрей отказался. Сорвался, убежал. Родители понимающе вздохнули. А Андрей помчался к дому Анюты. Громко застучал в дверь. Открыла она. В легком платьице, не причесанная. Видимо, ко сну готовилась. Увидела, остолбенела от неожиданности, потом бросилась на шею, стала покрывать лицо поцелуями.

Андрей накинул на плечи девушки свой парадный мундир, и они пошли гулять по засыпающему селу. Было уже темно, лишь на площади перед сельсоветом горел одинокий фонарь. Стояла вторая половина сентября, но по-летнему теплая. Пошли на берег Тихой, уселись возле бани на скамеечку. Целовались, вполголоса разговаривали. Анюта рассказывала сельские новости. Колхоза не стало, вместо него теперь совхоз «Костровский», отец Виталия в нем директором. Виталия в селе нет, он с институтскими однокурсниками поехал на картошку в отдаленный район. Сама Анюта преподает в младших классах, поступила в пединститут на заочное отделение.

Не расставались почти до рассвета. Проводив девушку, Андрей пошел отсыпаться. Разбудила мать:

- Вставай, сынок, скоро гости придут.
- Какие гости?
- Уже всё село знает, что ты прибыл на побывку. Хотят на тебя полюбоваться.

Стол накрыли в летней половине избы. Пришли соседи, одноклассники – из тех, кто остался в селе. Волосовых среди гостей не оказалось (как же – местная знать). За большим столом не осталось свободного места. Пили, закусывали домашней снедью, хвалили Андрея за службу, за заслуги. Он хотел одеться в гражданку, но мать настояла, чтобы был при параде. Гордилась сыном.

За два года, пока Андрей был вдалеке отсюда, в селе произошли перемены. Кострово и ближайшие деревни наконец-то, на 50-м году советской власти, электрифицировали. В панкратовской избе висела большая люстра с электрическими лампочками. На комодке громоздился новый радиоприемник, питавшийся от электричества (черная тарелка проводного радио по-прежнему висела на стене). В кухне на табуретке стояла электроплитка с почерневшей спиралью. Воду грели теперь с помощью кипятильника.

Андрей отметил: и одеваться односельчане стали богаче. В колхозе были трудодни, чаще всего – с натуроплатой, а в совхозе стали получать за работу деньгами. Вот и приоделись. Мужики были в новых хлопчатобумажных костюмах-двойках, женщины – в цветастых ситцевых платьях. А еще было заметно: земляки стали крепко выпивать. Пили магазинную водку и портвейн из больших темно-зеленых бутылок. Причем, бабы почти не уступали мужикам.

Вскоре застолье пошло вразнобой. Солдат уже не был в центре внимания. Улучив момент, Андрей поманил за собой Анюту, и они тихо вышли. Вновь гуляли допоздна. В тем-

ноте окна Анютино́го дома не светились. Мать оставила записку: срочно вызвали в областной центр на недельный семинар сельских библиотекарей. Оставшиеся до отъезда в часть дни и ночи Андрей провел с Анютой. Провожая, девушка плакала навзрыд. Андрей успокаивал: служить осталось меньше года, вернется – сразу поженятся.

Глава 5. Виталий делает карьеру

Время, как и у всех в молодости, летело быстро и незаметно. Виталий Волосов, окончив в Кострове десять классов, поступил в сельскохозяйственный институт в областном центре. В селе это становилось традицией: выпускники-среднячки выбирали аграрный вуз – абитуриентам мужского пола там не было отказа в приеме. Поступал Виталий на агронома, но после первой же практики понял – это не для него. Ходить по полям, мерить глубину вспашки, ругаться с небритыми механизаторами – такое будущее не прельщало. Он подумывал бросить институт, но в институте открылся еще один факультет – экономический. Решил перевестись туда.

На экономическом факультете учились в основном девушки. Как ни странно, многим из них не приходилось ютиться в общежитии – они были местные, городские. С одной из таких и сблизился Виталий. Алла Леонова была яркой девушкой, внешне неуловимо похожей на Анюту. Если бы не вечно надменное выражение лица, сходство было бы поразительным. Оно Виталия и прельстило. А если честно – не только оно. Алла происходила из высшего круга – ее отец занимал высокий пост в сельскохозяйственном отделе обкома партии. И Виталий был парнем не из простых: его отец из председателей захудалого колхоза превратился в солидного руководителя – директора самого крупного в Славском районе совхоза, стал членом бюро горкома партии.

Виталию тоже не пришлось постигать незатейливый и скромный быт общежития. На родительские деньги он снимал комнату в частном секторе у одинокой тихой старушки. Плата была столь щедрой, что хозяйка никогда не имела к квартиранту никаких претензий. Даже когда он приводил сюда на ночь Аллу. Виталию было неизвестно, под каким предлогом надменная девушка не ночует дома. По ее рассказам, отец был строгих правил и вольного поведения дочери не терпел. Но Алла влюбилась в обаятельного, хорошо сложенного, красноречивого однокурсника без памяти. И нравственными правилами отца пренебрегала. Пока все не открылось. Естественно, разразился семейный скандал.

Виталий был зван к Леоновым на ужин. Понимал, что идет не на смотрины, а на судилище, волновался, но постарался придать независимый вид. Мать Аллы была тенью своего сановного мужа. Всем в доме верховодил отец – Аркадий Николаевич. За ужином он не сводил с избранника дочери колючего, внимательного взгляда. А после пригласил Виталия в кабинет.

– Ну, вот что, молодой человек! Своей дочери по съемным квартирам таскаться я больше не позволю. Если серьезные отношения – оформляйте их.

Под громовой бас партийного начальника Виталий молчал. Ежась под суровым взглядом, наконец, тихо произнес:

– Да я вообще-то не против...

– Вот и прекрасно, – повеселел Леонов. – На первом курсе жениться рано, а вот по окончании третьего сыграем свадьбу.

После тягостных минут будущий тесть перевел разговор на другую тему:

– Чем думаешь заниматься, получив диплом?

– Как чем? Придется отработать у отца в совхозе три года. Должность главного экономиста он для меня держит.

– Вот что я тебе скажу: сидеть в кабинете в нарукавниках и крутить арифмометр – не дело для настоящего мужчины. Тебе надо продвигаться по общественной линии. В институте времени не теряй – в комсомоле прояви активность, в партию постарайся вступить. Экономическое образование – оно универсальное, любой пост поможет занять – хоть в партии, хоть в советах.

Прощались тепло. Леонов даже приобнял потенциального зятя. А Виталий намотал на ус полученные наставления и стал настойчиво претворять их в жизнь. Отправляясь перед выпуск-

ным курсом на преддипломную практику в совхоз «Костровский», Виталий уже был секретарем институтского комитета комсомола. На предстоящую осень была назначена их с Аллой свадьба. Но первые же дни в Кострове поломали все планы.

А причиной, естественно, стала Аня. Так получилось, что дома он не был больше года. Предыдущим летом по протекции Леонова ездил по студенческому обмену в Болгарию, а это лето полностью провел в Крыму на сборах комсомольского актива, где завел полезные связи с аппаратчиками из ЦК ВЛКСМ.

От областного центра до Славска пассажирский поезд на тепловозной тяге медленно тащился всю ночь. В Славске Виталия встречал шофер отцовской служебной «Волги». По дороге домой рассказывал директорскому сыну местные новости. Он и сообщил об Ане. Родила от Андрея Панкрата мальчика. Сыну скоро год. А сам Андрей из армии не вернулся. Как полтора года назад отбыл после краткосрочного отпуска в часть, так до сих пор о нем – ни слуху, ни духу. Родители писали в часть, а оттуда сообщили, что сын пропал без вести, не вернувшись из зарубежной командировки. Аня ходит сама не своя.

Виталий был сильно обижен на девушку за то, что предпочла Андрея. И теперь, после услышанного, мелькнула мстительная мысль: поделом ей. Но тут же устыдился. Как ни пытался все это время выбросить ее из сердца – не получилось. Даже связь с Аллой не помогала.

В тот же вечер он пошел домой к Ане. Волновался изрядно. Встретила его обрадованно, но вскоре эта радость потухла. Тихая печаль, которую носила все последние месяцы, вновь появилась на ее лице. Показала Виталию сына. Мальчик очень походил на мать, и это почему-то его умилило. Виталий стал регулярно бывать в доме Ани. Возвращаться в институт не хотелось. И он перевелся на заочное отделение – втайне от Ани. Стал работать главным экономистом совхоза, готовился к защите дипломного проекта.

Наказ Леонова он выполнил целиком – не только продвинулся в комсомоле, но и кандидатом в члены партии успел стать. На городской комсомольской конференции в Славске ярко, эмоционально выступил, заслужив горячие аплодисменты делегатов. Получив диплом об окончании института, почти одновременно стал членом партии. Блестящая у парня складывалась анкета. Виталия пригласили в горком комсомола – заведующим организационным отделом. Замаячила отдельная квартира. Как холостяку – однокомнатная.

Отношения с Аней становились все теплее. Молодая женщина постепенно свыкалась с мыслью, что Андрея больше нет, а заботливый Виталий – вот он, рядом. Да и сын к нему привязался. И однажды, когда Виталий у нее засиделся, Аня оставила парня на ночь. Наутро, лежа рядом в постели, Виталий позвал ее замуж. Аня в ответ промолчала. Рассказала матери. Екатерина Павловна настойчиво принялась уговаривать:

– Сколько еще будешь ждать своего Андрея! Нет его! А Виталий – отличная партия. И Сережу любит. Так что нечего раздумывать.

Под напором матери Аня согласилась. Свадьбу играли в Кострове. Стояла первая половина сентября, погода была по-летнему теплая. Столы накрыли в просторном огороде Волосовых. Вино лилось рекой, и на закуски директорская семья денег не пожалела. Кричали «Горько!», бегали купаться на Тихую. Пели песни, танцевали и плясали под баян. Словом, деревенская свадьба во всей красе. Гуляло все село, за исключением Панкратовых. Родители Андрея поздравлять молодых не пришли. Виталий был оживлен, невеста улыбалась, но скрыть печаль ей до конца не удавалось.

После свадьбы молодые уехали в Славск – в новую двухкомнатную квартиру. Сережу устроили в ясли. Аня стала преподавать в школе. У Виталия карьера резко шла в гору.

Заведующим орготделом успел побывать всего полгода. В преддверии очередного пленума горкома комсомола Виталия неожиданно вызвала к себе секретарь горкома партии Галина Павловна Ершова. Ершиха – так ее в Славске называли за глаза. Молодая дама, всегда изыс-

канно одетая, она была образцом стиля для местных женщин высшего круга. А еще ее считали серым кардиналом в юбке – кадровые интриги были по ее части.

Усадив Виталия в глубокое кресло, отчего он вжался почти до пола, Ершиха первым делом поинтересовалась:

– С Кудряшовым какие у тебя отношения?

Павел Кудряшов был первым секретарем горкома комсомола.

– Нормальные, рабочие отношения. Считает меня своим протеже – он же пригласил на работу в горком.

– Он да не он, – отрезала Галина Павловна. – Кадровые решения принимаются в другом месте.

Виталий, вспомнив про серого кардинала в юбке, в ответ промолчал. А Ершиха продолжила:

– Послезавтра пленум. Я на нем буду. А тебе надо выступить принципиально. Кудряшов засиделся, не тянет, погряз в рутине. Скажешь, что в работе горкома нужна свежая струя в свете рекомендаций ЦК партии. Что в 35-летнем возрасте молодежной организацией руководить нельзя.

– Кудряшову уже больше тридцати пяти, – вставил Виталий.

– Тем более. Скажешь в заключение, что обновление руководящих кадров в комсомоле идет везде, надо и нам не отставать.

Виталий хотел было напомнить, что в ЦК комсомола сидят пятидесятилетние, но промолчал. Кольнули муки совести: Кудряшов ему всячески благоволил, двухкомнатную квартиру выбил без звука.

Заметив его терзания, Ершиха сказала жестко:

– Имей в виду – это тебе партийное поручение как молодому коммунисту. Пора учиться проводить линию партии в комсомоле.

Выходя из кабинета, Виталий не удержался, спросил:

– Почему все-таки я?

– Мы умеем разбираться, кто на что способен.

Пленум шел по накатанному сценарию. А в конце вмешалась Ершова:

– В списке выступающих нет члена бюро горкома комсомола Волосова. Но он просит слова. Дадим?

Зал дружно согласился. Виталий, выйдя к трибуне, почувствовал, что привычное красноречие ему отказало. Но пересилил себя, высказал все, о чем требовала Ершова. Кудряшов, который вел пленум, оцепенел. Обычно номенклатурщиков к таким неожиданностям готовили. Но этот экспромт был в духе Ершихи. Зал застыл в недоумении. А Галина Павловна, сидя в президиуме, направила разговор в нужное русло:

– Горком партии рад, что в ваших рядах нашелся принципиальный человек, поставил перед пленумом вопрос, который давно назрел. Поступило предложение освободить товарища Кудряшова от занимаемой должности в связи с переходом на другую работу. Кто за?

Ошеломленный зал проголосовал как надо. Кудряшова перевели директором в отдаленный совхоз. А две недели спустя на внеочередном пленуме так же дружно голосовали за избрание Виталия Волосова новым первым секретарем горкома комсомола. Тогда он был самый молодой секретарь во всей области. Словом, жизнь налаживалась в том русле, как Виталий и распланировал.

А весной, перед майскими праздниками, вернулся Андрей...

Глава 6. Вьетнамский пленник

Вскоре после возвращения из отпуска Андрея вызвал командир батареи С-75 майор Орлов.

- Как отдохнул? Дома все в порядке? Настроение?
- Так точно! В порядке! Настроение боевое.
- Тогда идем со мной к командиру.

Командир части полковник Борис Иванович Сулимов в царской армии мог бы служить гренадером. Высоченного роста, широченный в плечах, а в ладони, протянутой Андрею для пожатия, уместились его две. Несмотря на внушительные габариты и суровое выражение лица, полковник был не строг, в особенности с теми, кто проявил себя в службе.

Командир полка обошелся без вопроса о недавнем отпуске, начал сразу с причины вызова.

- Помнишь сержанта Колесника?
- Он же меня обучал на С-75!

– Так вот, сержант был из последней партии военных, которые во Вьетнаме сбивали американские самолеты. Принято решение заменить наших армейцев на обслуживании С-75 вьетнамцами. Но их надо обучать. Первый призыв инструкторов заканчивает командировку. Им на смену группу формируют части нашего корпуса. От каждого полка, оснащенного С-75, по одному инструктору. Лучшему из лучших. От нашего полка ты поедешь. На полгода. Вернешься – до осени демобилизации не ждешь, отпущу домой с весенним призывом. Как, готов?

Хотя услышанное стало полной неожиданностью, Андрей оценил перспективу досрочного дембеля, поэтому отчеканил:

- Так точно, товарищ полковник!

– Вот и ладненько! – огромный Сулимов любил словечки с уменьшительными суффиксами. – Утречком завтра и отправишься.

Сразу после завтрака Андрей на командирской машине уехал в штаб корпуса. А поздним вечером того же дня самолет с группой новоиспеченных инструкторов с подмосковного военного аэродрома взял курс на Ханой.

Приземлились на небольшом аэродроме вблизи вьетнамской столицы. Здесь инструкторов уже ждали встречающие – старшие офицеры, все – в звании не ниже майора. Андрея Панкратова отозвал худощавый мужчина с седыми висками, одетый в полевую форму с двумя большими звездами на погонах.

- Подполковник Сазонов, – представился он.
- Старший сержант Панкратов, – ответил Андрей.

После рукопожатия они последовали к машине. Это был американский джип, по-видимому – трофейный. За рулем сидел тщедушный вьетнамец, сзади – еще один, постарше, как оказалось, переводчик. Нгуен, так его звали, учился в Советском Союзе, неплохо изъяснялся по-русски.

По дороге Сазонов объяснил: расчеты для обучения подобраны, ЗРК уже на месте. Дислокация – поближе к позициям южан, чтобы сбивать американцев еще на подлете к северной территории.

Приехали на место, когда уже совсем стемнело. Дорога через джунгли вывела на рассчитанное место, где стояли в ряд палатки тропического защитного цвета. Такого же цвета были навесы из непромокаемого материала, укрывающие военную технику.

Наутро состоялось знакомство с обучающимися. Это были молодые вьетнамцы, на вид – худосочные, но, как объяснил Нгуен, отличающиеся хорошим здоровьем и определенным уровнем образования. Их в стране с истощенным от голода и почти поголовно неграмот-

ным населением отобрать было сложно, но задачу, поставленную товарищем Хо Ши Мином по защите вьетнамского неба собственными подразделениями, удалось выполнить не только здесь, но и на других точках, где сконцентрированы советские С-75 «Двина».

Подполковник Сазонов контролировал процесс подготовки, ну а Панкратов впервые ощутил себя в роли инструктора. В теории – изучение материальной части, наука вдалбливалась медленно и не только потому, что каждая фраза повторялась дважды: Андреем – по-русски, Нгуеном – по-вьетнамски, но и из-за того, что слабо технически подготовленные слушатели осваивали знания с трудом. Но – вода камень точит, настойчивость инструктора и регулярное повторение пройденного позволяли медленно, но двигаться вперед.

Наконец пришел день, когда подполковник Сазонов разрешил перейти к практическим занятиям. Здесь учеба пошла легче. Наведение на цель, старт боевой ракеты – это у вьетнамцев вызывало живейший интерес и неподдельную радость от приобщения к советской технике. Месяца через два стало понятно, что боевые расчеты из вьетнамских военнослужащих сформировать можно. Новоиспеченным ракетчикам предстояло испытать себя в реальном бою с американскими самолетами, методично вылетающими на бомбежку северовьетнамской территории. Инструктор ждал этого с не меньшим волнением, чем его подопечные.

И вот расчет под присмотром Панкратова поставлен на боевое дежурство. Позиция – среди джунглей. Подлет американских бомбардировщиков – под контролем. Наведение на цель – по радиосигналу. Команда на пуск ракеты. Первый залп оказался неудачным. Поскольку бомбардировки были частыми, ждать новой цели долго не пришлось. Самолет сбит! Вьетнамцы ликовали, стремясь поочередно выразить признательность инструктору то громкими возгласами, то восторженными объятиями.

Когда на счету подопечных Андрея стало три пораженных ракетами бомбардировщика, подполковник Сазонов дал приказ возвращаться домой:

– Ты свою задачу выполнил, Панкратов. Теперь управятся без тебя.

В путь на аэродром отправились на том же джипе. Андрей сел рядом с водителем, сзади – двое вооруженных вьетнамцев для охраны. Тронулись затемно. Дорога шла сквозь мрачные заросли. Андрей начал задремывать, но проснулся от резкого торможения автомобиля. При свете фар было видно, что дорогу преградили три фигуры с автоматами наперевес. Диверсанты.

В затылок Андрею уперся ствол автомата – вьетнамец, сидевший сзади, оказался их сообщником. Второго охранника он застрелил. Такая же участь постигла и водителя.

Подталкиваемый автоматом, Андрей вывалился из машины. Один из диверсантов торопливо его обыскал. Андрей был в гражданской одежде, без оружия (иметь его при себе советским инструкторам категорически запрещалось). Пленника усадили обратно в джип на заднее сиденье, по бокам – два диверсанта, третий – спереди, сообщник – за рулем. Под покровом ночи двинулись дальше, но – в другом направлении. Трупы убитых вьетнамцев взяли с собой.

Андрей понял, что угодил в лапы к врагам недавних подопечных. Его оставили в живых, значит, на пленника у нападавших – свои планы. Пленение инструкторов южными вьетнамцами – такого сценария у советского командования не предусматривалось, никаких рекомендаций на этот счет от начальника особого отдела штаба корпуса старший сержант Панкратов не получал. Пока его везли в неизвестном направлении, Андрей на ходу придумывал себе легенду.

На место прибыли под утро. По виду это был командный пункт, охраняемый часовым. Андрея затолкали в какое-то тесное и темное помещение. Сидеть в нем можно было только на полу, что Андрей и сделал, прижавшись спиной к стене. Стал ждать своей участи.

Миску риса и кувшинчик с водой принесли лишь через сутки. Кормят – значит, не убьют, пронеслось в мозгу. На допрос не вызывали, смысла не было, никто из вьетнамцев не понимал по-русски. Его держали взаперти еще неделю, две... Андрей потерял счет времени. Наконец, вывели из темного помещения. Глаза отвыкли от солнечного света – Андрей зажмурился.

Тычком оружейного ствола ему приказали двигаться вперед. Привели в другое помещение, больше похожее на европейское. Представитель белой расы в военной форме жестом приказал садиться. «Американец», – понял Андрей. Тот что-то спросил. Справляется о здоровье, догадался пленник, вспомнив свои познания в английском. Ответил коротко. Но дальше беседа не пошла – нужен был переводчик. Американец дал знак увести.

Вновь потекло тягостное ожидание. На этот раз оно затянулось всего на два дня. Вновь вызвали на допрос. Тот же американец вел его через переводчика, тоже одетого в военную форму, выглядевшую на нем мешковато. Изъяснялся переводчик неплохо, но с жутким акцентом.

Скрывать свое предназначение было бессмысленно. Андрей стал излагать придуманную легенду. Он – гражданское лицо, автомеханик по профессии. В армии никогда не служил. Прибыл во Вьетнам для обслуживания автомобилей советского производства. В военную часть его пригласили для текущего ремонта автомобиля «УРАЛ». Сделав свое дело, возвращался в Ханой, чтобы затем отправиться на Родину.

Легенда выглядела довольно беспомощно, но американец сделал вид, что поверил. Заявил, что пленника повезут в Сайгон для дальнейшего решения его судьбы. В южновьетнамской столице Андрея продержали еще неделю. Ни испытания голодом, ни избиений не было. Андрей, стараясь не терять присутствия духа, гадал, что намерены сделать с ним американцы. Ожидал худшего – пустят в расход. Но остаться навсегда вдали от Родины – это ему казалось страшнее смерти.

Судьбу его решили неожиданным для пленника образом. Северовьетнамская сторона предложила обменять Андрея на попавшего в плен американского летчика. Начались переговоры, в которые включилось советское посольство в Ханое. Наконец, согласие было получено. Обмен состоялся на демаркационной линии, разделявшей два Вьетнама, и прошел моментально. Бок о бок встали две машины. Открылись дверцы. Оба пленника поменялись местами.

В тот же день Панкратова доставили в советское посольство. Посольские сразу же по прибытии во Вьетнам отобрали у всех, включая Андрея, документы. Теперь его военный билет лежал у чиновника, к которому Панкратова привели на беседу, на столе.

Андрей коротко рассказал о своем пребывании в плену. И поинтересовался, как получилось, что один из сопровождавших его охранников оказался сообщником диверсантов.

– У наших вьетнамских товарищей пока слабо поставлены проверочные мероприятия, – объяснил посольский чиновник. – Внедренный в охрану ЗРК вьетнамец – часть операции по захвату советского инструктора. Мы это не сразу выяснили. Поначалу было ничего не понятно: машина со старшим сержантом Панкратовым исчезла. Никаких следов. Не могли предположить, что вы попали в плен – ни с кем из наших офицеров и солдат прежде такого не случалось. У вьетнамских товарищей есть агентура на той стороне. Через нее выяснили о вашем нахождении в плену. И предложили американцам по дипломатическим каналам совершить обмен.

– А что мои родители? Они знают, что случилось?

– Им сообщили, что ваша командировка продлена на неопределенный срок.

Благожелательного посольского чиновника сменил другой – неулыбчивый, немногословный, задававший вопросы. Его интересовало, не выдал ли пленник американцам военные секреты.

Андрей рассказал о легенде, которой он упорно придерживался. Собеседник этим не удовлетворился, не раз спрашивал об одном и том же, пытаясь подловить Андрея на несоответствиях в ответах. Но он не прокололся, поскольку говорил правду. Потом чекист (Панкратов без труда догадался, что тот представляет органы) долго выяснял подробности об американцах, с которыми пришлось общаться Андрею. Но и на эти вопросы были скупые ответы. Наконец, особист отвязался, и вчерашнему пленнику сообщили об отправке домой.

Андрей надеялся, что пойдет на дембель сразу после прибытия в полк. Но прямо с самолета его повезли в штаб корпуса. Здесь его терзал еще один особист – в погонах майора. Вопросы, вопросы, вопросы... Теряя терпение, Андрей стал дерзить.

– Не забываете, где находитесь! – вскипел майор. – И в каком качестве. Вас освободили из вражеского плена. У нас нет гарантий, что вы достойно себя там вели, ничего не выболтали американцам. Причитающуюся всем инструкторам награду вы не получите. И настоятельно советую: держите язык за зубами, нигде и никому не рассказывайте про плен. Вернулись из затянувшейся командировки – вот и все подробности.

В полковой казарме никого из знакомых не было – все сослуживцы давно уволились в запас. Андрей пошел на доклад к майору Орлову. Тот был изумлен его появлением. А вот полковник Сулимов не удивился и ни о чем не спрашивал, наверное, по своим каналам ему сообщили о вызволении пленника.

– Прибыл, наконец! Вот и ладненько! Готовься в запас, Панкратов! Приказик сегодня же подпишу.

Наутро Андрей, одетый в новенькую парадную форму, был уже в пути. И к вечеру добрался домой, в Кострово – нагрел как гром среди ясного неба. И потом жалел, что явился без предупреждения. Мать, завидев сына на пороге, упала без чувств.

Глава 7. Анютин выбор

Мать была дома одна. Придя в чувство, она начала хлопотать у плиты. Вскоре весь стол был уставлен деревенской едой, по которой Андрей ужасно соскучился. Поужинав, сын заторопился уйти. Мать остановила его предупреждающим жестом:

– Нет твоей Анюты. В Славске она. Замужем за Волосовым.

Андрей обессиленно опустил на стул. А мать стала рассказывать. Про сына Сережу, про печальную Анюту, про Виталия, не дававшего ей проходу, про свадьбу, про отъезд молодоженов. Про то, как они хорошо устроились. Андрей все больше мрачнел.

– Что делать, сынок, – мать погладила его по голове. – Анюта – отрезанный ломоть. Так уж сложилось. Оставь ее.

Но Андрей не послушался. Следующим утром он с первым автобусом рванул в Славск. После уроков поджидал Анюту у школы. Она увидела его издали, остановилась, закрыла лицо руками, потом открыла. Медленно пошла вперед, потом побежала, бросилась к нему на шею, бормоча:

– Я не верила, не верила, не верила... Прости, прости, прости...

Андрей целовал заплаканное лицо, гладил, успокаивал. Потом они сидели в кафе, делились друг с другом пережитым. Всего Андрей рассказать не мог, но и того, что рассказал, хватило, чтобы Анюта поняла – ее любимый хватил лиха сполна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.